

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ НЕКРАСОВ

*аспирант кафедры русской истории (очное отделение) Российского
государственного педагогического университета имени А.И. Герцена
E-mail: kuminch@yandex.ru*

Данная статья посвящена первому крупному скандалу во II Государственной думе, поводом для которого стало выступление казачьего депутата А.И. Петровского на думском заседании 13 марта 1907 г. Поднятая Петровским тема неблагоприятной, с либеральной точки зрения, роли казачества в революционных событиях 1905–1907 гг. углубила раскол в думской казачьей фракции, которая вскоре распалась; а также дала толчок к массовой травле Петровского и казаков-либералов в правых периодических изданиях. Автор делает попытку подробной реконструкции предпосылок, развития и последствий этого думского скандала, показавшего всю остроту вопроса о взаимоотношениях армии и общества во время революции.

Ключевые слова: II Государственная дума (1907 г.), Казачья фракция II Государственной думы, политическая история казачества, думский скандал, А.И. Петровский, М.А. Караулов, В.М. Пуришкевич.

**«Положить конец нагаечному содействию»:
к истории думского скандала 13 марта 1907 г.**

Вторая Государственная дума Российской империи (20 февраля — 2 июня 1907 г.) вошла в историю как «Дума резких крайностей». Наличие в ней значительно усилившихся по сравнению с Первой думой противоборствующих крыльев — левого, представленного фракциями всех основных социалистических партий России того времени, включая эсеров и социал-демократов, и правого, меньшего по численности и достаточно рыхлого по своему составу, но имевшего в своих рядах мощную плеяду ораторов (В.М. Пуришкевич, В.В. Шульгин, П.Н. Крупенский и др.), располагало к непрерывным полемическим схваткам между депутатами по целому ряду вопросов, таких как аграрный, продовольственный, отмена смертной казни, политическая амнистия, принятие государственного бюджета, реформы в области народного просвещения и т.д. Наряду с меж- и внутрифракционными конфликтами в Думе нередко сталкивались интересы национальные, конфессиональные, региональные и сословные, благо во всех вышеназванных отношениях депутатский корпус четырех дореволюционных Дум (и первых двух созывов — в особенности) был весьма пестр. Случалось, что возникавшие во время заседаний инциденты перерастали в скандалы, получавшие широкий общественный резонанс и оказывавшие существенное влияние на тактику отдельных фракций и работу Думы в целом. Один из таких скандалов разразился на думском заседании 13 марта 1907 г. во время обсуждения законопроекта об отмене военно-полевых судов. Несколько фраз, высказанных депутатом А.И. Петровским о неблагоприятной роли донского казачества в «освободительном движении», вызвали бурные протесты со стороны правого крыла Думы и двух казачьих депутатов — А.Г. Полякова и М.А. Караулова, как

и Петровский, входивших в думскую казачью группу. Скандал был немедленно подхвачен правой и официозной прессой и старательно муссировался ею вплоть до роспуска II Государственной думы.

Инициатором возбуждения вопроса о военно-полевых судах, в рамках обсуждения которого и произошел инцидент 13 марта, выступила кадетская фракция. В.А. Маклаков (тогда — депутат от города Москвы и один из наиболее активных кадетских ораторов) впоследствии вспоминал, что обращением к этому вопросу кадеты пытались решить две задачи: во-первых, оправдаться перед левыми, подозревавшими их в переходе на сторону правительства после прений по продовольственному вопросу, а во-вторых, дать возможность депутатам «излить свои чувства» обсуждением этой жестокой и ненавистной всей оппозиции меры¹. Однако события развернулись совсем не по тому сценарию, которого ожидали думские либералы. Правое меньшинство, желая вывести оппозицию «на чистую воду», подняло встречный вопрос — об отношении Думы к революционному террору. Один из самых острых и спорных, он, по словам Маклакова, все больше нервировал депутатов и послужил источником для большинства думских скандалов².

Думская казачья фракция, или казачья группа — межрегиональное объединение депутатов от казачьих областей, образованное в первые дни работы II Думы по инициативе донских и кубанских депутатов, поддерживала кадетов по большинству общеполитических вопросов, что было обусловлено преобладанием представителей партии «народной свободы» среди членов группы. Из 18³ вошедших в нее депутатов от казачьих войск 15 составляли кадеты и примыкавшие к ним левые беспартийные⁴. Практически в полном составе в ряды кадетов влился тесный кружок донских депутатов, в том числе М.П. Араканцев, бывший депутат I Думы (товарищ председателя группы); А.И. Петровский, председатель донского комитета кадетской партии (секретарь группы); члены донского комитета В.А. Харламов (тоже перводумец) и М.С. Воронков. Избранный председателем казачьей группы кубанский общественный деятель, историк, этнограф и статистик Ф.А. Щербина занял еще более левые позиции, примкнув к фракции народных социалистов (энесов). Уже в первые дни работы Думы кадетская «Речь» поспешила объявить, что депутаты-казаки «почти единогласно высказались в духе кадетской программы по таким вопросам, как ответственное министерство, двухпалатная система, всеобщее равное избирательное право, отмена смертной казни и чрезвычайных положений, амнистия»⁵. В протоколах кадетского ЦК казаки, наряду с другими национально-региональными фракциями и группами (польским коло, мусульманской, сибирской, украинской и др.), значились как «примыкающие к к.-д.», а особую важность, которую кадетское партийное руководство придавало связям с казачьей группой, подчеркивает факт, что для переговоров с казаками от имени ЦК были уполномочены такие крупнейшие фигуры кадетской партии, как князь Д.И. Шаховской и П.Н. Милуков⁶.

Екатеринодарская газета левого направления «Новая заря» надеялась, что под руководством Щербины и Араканцева «все казачьи депутаты, а через депутатов все казачье население твердо останутся на убеждении, что только дружной

поддержкой культурных, новых начал русской жизни казаки могут заслужить уважение всего русского народа»⁷. Доказательство парламенту и стране «безвозвратно оппозиционного настроения казачества, приближающегося конца его нагаечного содействия реакции и приобщения казачества ко всеобщему освободительному движению»⁸, по планам либерального ядра казачьей группы, должно было стать едва ли не основной целью ее деятельности в Думе. А одним из мотивов образования думского казачьего коллектива, занесенных в протокол на учредительных заседаниях группы 21 февраля 1907 г., было провозглашено «очищение казачьей репутации, созданной печальной ролью казачества в освободительном движении»⁹.

Беспрецедентное по своему размаху применение царским правительством казачьих частей для подавления революционных выступлений в 1905–1907 гг., возложение на них полицейских и карательных функций, с одной стороны, породили в массовом сознании негативный образ «казака-нагаечника», с другой — ложились тяжким бременем на плечи самого казачьего сословия, способствуя нарастанию оппозиционных настроений в среде казаков, традиционно воспринимавшихся как властью, так и обществом, как верная опора самодержавия и сугубо консервативная сила. Требования прекращения использования казаков в качестве полицейской силы и облегчения военной повинности содержались во многих наказах, приговорах, письмах и телеграммах, получаемых казачьими депутатами от избирателей. Так, просили облегчения военной повинности и отмены полицейской службы граждане станицы Новогригорьевской (Донской области)¹⁰, требовали прекратить «употребление казаков на полицейскую службу» сибирские казаки в наказе депутату И.П. Лаптеву¹¹.

В I Государственной думе вопрос о правомерности исполнения казаками полицейских функций поднимался на заседаниях 2 и 13 июня 1906 г., когда на рассмотрение Думы был вынесен запрос военному министру за подписью 48 депутатов (из них 10 — казаки): на каком основании казачьи полки 2-й и 3-й очередей были мобилизованы для несения внутренней службы без опубликования на то высочайшего повеления в установленном законом порядке. Ряд ораторов, представителей либерального казачества, выступил в поддержку запроса, подвергнув беспощадной критике политику верховной власти в отношении казаков. Так, М.П. Араканцев в своей речи сравнивал находившиеся на внутренней службе казачьи отряды с татарами или древними варварами, прошедшими по Руси «под свист нагаек». Из защитника свободы, говорил оратор, казак стал ее угнетателем, начальство изуродовало и изувечило его, превратив в «покорный, безответственный, слепой, боевой материал, который можно двигать туда, куда захочется»¹². «Специальность его (казачества — Н.Н.) определена — расписывать обывательские спины нагайками»¹³, — поддержал земляка другой представитель Дона — левый публицист Ф.Д. Крюков (впоследствии видный представитель Белого движения). Оренбургский депутат М.И. Свешников (трудовик) отмечал, что казаки страшно тяготеют подобной службой, возложенной на них «полицейским правительством», и если их не распустят по домам, они разъедутся сами¹⁴. Однако не все казачьи депутаты были согласны с такими оценками; против станичной интеллигенции

выступили беспартийные урядники — И.М. Васильев, Е.Я. Куркин и М.Н. Савостьянов (все трое — донцы), попытавшиеся указать на то, что вопрос о призыве казачьих полков на службу является прерогативой императора и не подлежит рассмотрению Думой. Возражения коснулись не только юридической стороны вопроса. Так, комментируя выступления Араканцева и Крюкова, И.М. Васильев заявил, что хотя «нужда и горе казака велики, но казак на это не ропщет, а только ропщут на крамольников, которые поселяют смуту и расшатывают устои государства»¹⁵. Однако подобные заявления левое большинство Думы не восприняло всерьез, встретив речи несогласных казаков шумом и хохотом, а представитель уральского казачества, кадет Н.А. Бородин окончательно уничтожил их доводы заявлением, что речи станичных атаманов явились результатом той самой командно-бюрократической системы, о которой говорили либеральные донцы¹⁶. Тем не менее раскол среди казачьих представителей был налицо, и причиной его, как мы видим, был именно вопрос о «нагаечниках». Первая Дума, ввиду своего недолгого существования, не смогла положить конец использованию казаков в качестве полицейских и карательных сил законодательным порядком, хотя, как отмечают М.В. Братолобова и Я.А. Перехов, в дальнейшем подобная практика была приостановлена. Кроме того, полагают те же исследователи, образ «казака-нагаечника» и другие общественные стереотипы, сложившиеся о казачестве, были существенно поколеблены¹⁷. Тем не менее полностью своей остроты этот вопрос не потерял, и, вновь подхваченный учредителями казачьей группы во II Думе, был поднят на заседании 13 марта депутатом А.И. Петровским, что и послужило причиной скандала.

Представляется необходимым привести некоторые сведения о личности А.И. Петровского. Присяжный поверенный, казак Каменской станицы, он не раз выступал в качестве защитника на политических процессах, был активным публицистом местной прогрессивной печати¹⁸. Еще будучи гимназистом, он стал свидетелем разгона казаками студентов и впервые увидел в действии «нагаечников». Когда же казак-оренбуржец ударил нагайкой по спине самого будущего депутата, шедшего со сходки, юный Андрей Иванович «окончательно и многое понял»¹⁹. В речах перед избирателями, высказанных накануне отъезда в Петербург, Петровский особенно подчеркивал, что в Думе будет твердо добиваться отмены военно-полевых судов и других репрессивных мер, применяемых правительством против «борцов за народную свободу». «Довольно! Ни одного трупа больше! Мы не отступим ни перед чем»²⁰, — заявил Петровский на торжественных проводах депутатов в Новочеркасске 11 февраля 1907 г. С совершенно иным настроением пришли в Думу будущие оппоненты Петровского — представитель астраханского казачества подъесаул А.Г. Поляков и депутат от Терского войска сотник М.А. Караулов 2-й. Беспартийный монархист Поляков, помощник атамана 1-го отдела Астраханского казачьего войска, не только принимал участие в образовании казачьей группы, но и посещал заседания группы правых и умеренных. На одном из таких заседаний он заявил, что получил от своих избирателей полномочия засвидетельствовать глубоко-монархическое настроение астраханского казачества (Надо сказать, что по сообщениям местной прогрессивной

печати, оно действительно было таковым²¹). Казаки, утверждал Поляков, призванные в полки второй очереди не «из-под палки», вполне сознательно относятся к своему долгу перед Царем и Родиной и возвратятся домой лишь после успокоения страны²². Терещ М.А. Караулов выделялся среди других казачьих депутатов оригинальными политическими воззрениями. Сам себя он характеризовал так: «Потомственный дворянин, монархист-демократ, учредитель казачьей партии, не подходящей вполне ни к одной из общеизвестных партий»²³. «Миросозерцание его настолько сумбурно, — писал о Караулове его коллега по казачьей группе, сибирский депутат И.П. Лаптев, — что иной раз только руками разведешь: с одной стороны от него пахнет социалистом, с другой черносотенником»²⁴. В напутствии депутату Караулову основанная им же газета «Казачья неделя» выразила пожелания, «чтобы раз и навсегда в стенах Думы не раздавалось неуважительных выходок против казачества» (читай: критики казачества как реакционной и карательной силы, имевшей место в I Думе — Н.Н.) и чтобы депутат выразил с парламентской трибуны стремление казаков защищать «непоколебимую верность Престолу»²⁵.

Консервативный уклон в казачьей группе проявился не сразу. Вспоминая о первых заседаниях группы, А.И. Петровский отмечал единодушие депутатов по многим программным и тактическим вопросам²⁶. 24 февраля были избран президиум группы, тогда же группа вынесла резолюцию в поддержку планировавшегося левыми группами возбуждения вопроса об амнистии²⁷. Следующим шагом должна была стать разработка и принятие программы-декларации из двух отделов: общеполитического и казачьего, которая бы могла распространяться среди населения в «агитационно-воспитательных» целях²⁸. Примерный проект той части программы, которая касалась казачьего управления и самоуправления, воинской повинности и землевладения был представлен на 5-м заседании группы Ф.А. Щербиной. Проект общеполитической части, которая должна была, по выражению А.И. Петровского, обрисовать «парламентскую физиономию»²⁹ группы, готовился депутатами М.П. Араканцевым, К.П. Каклюгиным и А.И. Петровским. Именно общеполитическая часть программы выявила зрелые в группе противоречия и вызвала наиболее горячие дебаты. В группе выделилось крыло «обструкционистов» — Караулов, Поляков и по непонятным для либерального ядра группы причинам примкнувшие к ним оренбуржцы И.В. Заплатин (трудолик) и П.П. Вопилов (беспартийный, примыкал к кадетам).

Учредители группы — левые казаки, во исполнение задачи доказать ее единение с оппозицией, настаивали на включение в программу-декларацию таких общедемократических требований, как амнистия и отмена смертной казни, а также упоминания о необходимости связи населения с Думой посредством казачьей группы. Последнее, по их мнению, было одной из важнейших задач формирующейся группы и принципиально должно было быть отражено в программе. Караулов, Заплатин и Вопилов под разными предлогами выступали против включения в программу этих п у н к т о в . Кроме того, «протестанты» критиковали донских депутатов за их общегражданские устремления. Заплатин называл их «маргариновыми»³⁰ (т.е. не настоящими)

казаками; Караулов критиковал дончан за то, что они «подлаживаются под моду», «равняются на сильных» (т.е. левых), не выражают действительных чаяний казачьего населения, собираются «слить казаков с крестьянами»³¹. Позже он вспоминал, что в частных разговорах неоднократно «схватывался» с Петровским по поводу роли казачества в жизни России. Караулов утверждал, что «всякий казак должен гордиться этой ролью, а не стыдиться ее, помнить, что казаки одни в лихолетье остались крепки в сохранении целости государства»³². Интеллигент Петровский же считал, что Караулов был «одержим манией самого бесшабашного и некультурного казакоманства»³³. Разногласия в группе привели к тому, что к середине марта программа все еще оставалась неутвержденной. Нуждавшаяся в поправках и дополнениях, она была отправлена на доработку специальной комиссией из трех депутатов: Харламова, Щербины и Караулова. Последний, впрочем, особой активности в этом не проявил: пока его товарищи редактировали программу, он просто... спал. «С донцами каши не сваришь, им что ни говори — они все свое толкуют»³⁴, — утверждал терский депутат. Что же касается Полякова, то накануне скандала он все более тяготел к правым, «подходил под благословение владык Платона и Евлогия» и порою высказывался столь радикально-монархически, что других членов группы «брала оторопь»³⁵.

Разногласия в группе усугублялись также тем, что ее члены не были связаны фракционной дисциплиной: при голосовании на пленарных заседаниях каждый депутат мог идти за той партией, к которой принадлежал; также в устав группы планировалось внести оговорку: если постановления, одобренные большинством фракции, шли вразрез с убеждениями и обязанностями отдельных ее членов, то обязательными они не считались³⁶. Таким образом, в не до конца сформировавшейся казачьей группе выявилось консервативное меньшинство и развился внутрифракционный конфликт, затормозивший его объединение вокруг программы-декларации. По ходу его развития постепенно определились и возможные фигуранты будущего скандала — Поляков, Караулов, Петровский.

В те дни, когда либеральным активом группы предполагалось принятие отредактированной программы (10–14 марта), что означало окончательное конституирование думского казачьего коллектива, как раз и произошел рассматриваемый нами инцидент. Инициированные кадетами прения по вопросу об отмене военно-полевых судов левые казаки восприняли как повод для воззвания с трибуны о конце «нагаечного содействия». Утром 12 марта состоялось заседание группы (не в полном составе), которое единогласно постановило поручить депутату Думы от Кубанского войска К.Л. Бардижу (кадету) выступить от имени группы с осуждением военно-полевых судов, но когда Бардиж записался в очередь ораторов, Караулов и Поляков неожиданно заявили, что берут назад данное Бардижу уполномочие говорить от имени всей группы³⁷.

В своей небольшой, но яркой речи Бардиж подчеркнул, что военные действуют в качестве судей «по страшному принуждению», тяготятся и возмущаются до глубины души той палаческой ролью, которую их заставляет выполнять правительство, тем самым ставя военных на один уровень с «подонками общества». «Военно-

полевые суды уже потому должны быть уничтожены, что они в этом случае позорят то, что у нас есть лучшего, нашу плоть и кровь, нашу армию»³⁸, — заключил представитель Кубани под громкие аплодисменты зала. Правые встретили речь Бардижа молчанием, но вскоре в монархической и официальной прессе появились заметки с осуждением его слов. Черносотенное «Русское знамя» заявило, что своей речью Бардиж дерзнул хлестнуть всю русскую армию: «Жалкий представитель к.-д. партии, кощунственно носящий офицерские погоны, осмелился заявить, что русские офицеры, защищающие страну от внутренних врагов, играют роль палачей»³⁹.

Выступление кубанского депутата не получило скандальной окраски, но послужило своего рода прелюдией к событиям, разыгравшимся днем позже, когда слово было предоставлено его коллеге и однопартийцу — А.И. Петровскому. «Негодование и чувству дав свободу», большую часть своей речи он бичевал военно-полевые суды, в частности назвав их «кровавым чудовищем, вызванным к жизни и на горе жизни русским правительством». Призвав последнее немедленно остановить «кровавое бессудное убийство», Петровский обратился к прозвучавшей накануне речи Бардижа, подчеркнув, что последний как кубанский казак и как офицер беспощадно осудил военно-полевые суды. «Я — донской казак, — продолжал Петровский, — я ношу это славное и тяжелое звание...<...> тяжелое той ролью, которую последнее время заставило служилое казачество играть русское правительство. Обманывая его видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками воинской дисциплины, оно пустило казачество против освободительного движения. Но это могло быть только до времени. Я говорю вам: скоро настанет то время, и оно близится, когда ни один казак не подымет нагайку и не обнажит...»⁴⁰.

Оратор не успел договорить своей фразы: на правых скамьях поднялся невообразимый шум и крики. Первым с места вскочил В.М. Пуришкевич, размахивая руками и крича: «Ложь! Неправда! Прочь!»⁴¹, следом за ним — А.Г. Поляков, заявивший, что оратор не имеет права так говорить от имени казаков, так как он «только по званию казак»⁴². Граф В.А. Бобринский устремился в сторону кафедры, крича, что Петровский оскорбил русскую армию. «Армию не оскорблять! Останавливайте, господин председатель!», — подхватил Пуришкевич⁴³. Депутаты Бобринский, Пуришкевич и П.Н. Крупенский встали в проходе, делая угрожающие жесты по адресу оратора и стараясь перекричать аплодисменты левых⁴⁴. Поднялся страшный скандал, — сообщила столичная «Всеобщая маленькая газета». — Правые подняли страшный шум, стук и крик. Депутат Поляков хотел ворваться на кафедру, чтобы говорить без разрешения председателя. Депутат Пуришкевич визжал, как кликуша»⁴⁵. Когда шум начал стихать, к хору правых присоединился Караулов, который также поднялся со своего места и громогласно заявил, повернувшись к левым скамьям (все это время аплодировавших Петровскому), что протестует против такого освещения вопроса и решительно не согласен с донским депутатом⁴⁶.

Председатель Государственной думы Ф.А. Головин поспешил оградить оратора от нападок и водворить спокойствие в зале. Полякову, настойчиво требовавшему слова, он отказал, а другим протестантам с правых скамей напомнил, что никто в

зале не имеет права говорить вне очереди и без разрешения председателя. Желаящим высказаться по личному делу Головин предложил подать записку и выступить после окончания прений. Затем председатель вновь предоставил слово Петровскому, отметив при этом, что вопрос об отношении донского казачества к освободительному движению хоть и имеет косвенное отношение к теме военно-полевых судов, но дальнейшему обсуждению не подлежит⁴⁷. Петровский ограничился объяснением, что высказал лишь собственное мнение о той «новой роли, которую казачество играет в освободительном движении», а не по вопросу о его роли в будущем. Кроме того, депутат подчеркнул, что говорил не от имени всего казачества, поэтому если Поляков с ним не согласен, то это «дело его совести»⁴⁸.

В конце заседания, когда подошло время для личных объяснений, председатель Думы объявил, что предоставит слово только тем лицам, чьи фамилии были непосредственно упомянуты в речах ораторов. Однако лидеры правых упорно рвались на трибуну, произошла очередная словесная перепалка между председателем и В.М. Пуришкевичем, назвавшим действия Головина «насилием»⁴⁹. Затем слово к порядку дня было предоставлено Караулову, попытавшемуся выступить по поводу инцидента, но сразу остановленного председателем за уклонение от темы. Несмотря на протесты правых, Головин был непреклонен, предоставив слово только графу Бобринскому, фамилия которого неоднократно прозвучала на заседании. Граф повторил, что он как офицер оскорблен речью Петровского и протестует против подобных оскорблений казачества и русской армии в его лице⁵⁰. Как сообщали газеты, «заседание закончилось среди шума и беспорядка»⁵¹.

Возбуждение среди депутатов, вызванное речью Петровского и последовавшей за ней бурной сценой, перекинулось из зала заседаний в кулуары. Последние были переполнены; думцы толпами окружали представителей казачества. Особенно много вопросов было к Караулову, который «с военной доблестью отстаивал казачество от нападков целой кучи депутатов и журналистов. Аргументации ему может быть и не хватало, зато решительности была масса»⁵², — сообщали «Биржевые ведомости». Терский депутат объяснял, что совершенно не смотрит на это дело «реакционно», но есть «некая грань, которую он перейти не может»⁵³. Чтобы его протест не был неправильно истолкован, Караулов твердо вознамерился выступить с думской трибуны и осветить вопрос с «настоящей казачьей точки зрения»: что «казачество свободе не помеха, и русскому народу казаки не враги, а бескорыстные и самоотверженные защитники жизни и имущества всех и каждого»⁵⁴. Его убеждали воздержаться от этого, чтобы «не усложнять вопроса», а председатель казачьей группы Ф.А. Щербина просил терского депутата ограничиться заявлением, что группа на днях опубликует декларацию, в которой будет четко выяснена позиция казачества по отношению к освободительному движению⁵⁵. Дума, впрочем, больше не возвращалась к обсуждению инцидента, и выступать по этому вопросу Караулову не пришлось.

Что же касается Полякова, то он, не получив возможности высказаться в Думе, обратился за помощью к прессе. 16 марта в «Новом времени» было опубликовано его открытое письмо, в котором астраханский депутат обстоятельно

изложил свою позицию. По словам Полякова, обидное заявление Петровского задело его «святейшие чувства» и своим возражением на него он собирался уничтожить впечатление, произведенное неверным освещением роли казачества. Также Поляков подчеркивал, что не считает Петровского действительным выразителем интересов донского казачества, так как выбран он был не по войсковой курии, а от областного собрания, выборщики которого представляли собой «смесь разнородных сословий». Астраханское войско и казачество в целом, утверждал Поляков, исполняло и исполняет свои обязанности, руководствуясь исключительно осознанием своего долга перед Царем и Отечеством, и никакого обмана со стороны правительства оно «никогда не видело», обман этот был «измышлен» Петровским⁵⁶.

Екатеринодарская «Новая заря» посчитала, что на Полякова, вероятно, очень подействовало безумие черной сотни и он начал протестовать, сам точно не зная, против чего восстает. Депутат Бардиж в беседе с корреспондентом той же газеты вступился за своего коллегу Петровского, отметив, что тот просто решил сказать правду и никакого оскорбления армии в его речи не содержалось. Также кубанский депутат заявил, что большинство членов группы не усматривало никаких мотивов для протеста против речи Петровского, а напротив, сочувствовало его словам; выступления же Полякова и Караулова показали Бардижу «совершенным и необъяснимым недоразумением»⁵⁷.

А что же сам А.И. Петровский? Неистовый шум на правых скамьях не дал ему закончить начатую мысль, поэтому он довершил ее на страницах «Думского листка». Полностью высказывание Петровского должно было звучать так: «Близко время, когда ни один казак не поднимет нагайки и не обнажит шашки **против народа**». Та буря «истинно-русского и воистину дикого» протеста, как охарактеризовал Петровский бурную реакцию на его слова, не удивила донского депутата. «Меня не удивляет граф Бобринский, который при виде нагайки, склоняющейся к ногам народа, вместо того, чтобы опуститься на его голову — встает за честь армии. Меня искренне смешит депутат Пуришкевич, вступающий за воинскую честь казаков. <...> Одного намека на пробуждающееся сознание казачьей массы, которую они (правые — Н.Н.) до конца хотели иметь оплотом реакции, выводит их из себя. <...> Но меня безмерно огорчает поведение депутата от астраханского войска Полякова. Он в компании с Пуришкевичем и Бобринским завопил истошным голосом как раз при слове нагайка и в защиту ея»⁵⁸.

Пресса быстро разнесла по стране известие о произошедшем инциденте. По сообщениям официозных «Донских областных ведомостей», местное офицерство горячо обсуждало речь Петровского и посчитало необходимым реагировать на подобные выступления, так как речь не отвечала предмету обсуждения, а «склонялась к возбуждению войскового казачьего сословия». Предлагалось даже образовать особую комиссию, которая бы обсудила образ действий депутата и дала ему свою оценку⁵⁹.

На имя Петровского в казачью фракцию начали стекаться ругательные письма от офицерской верхушки Дона («совершенно непристойные и непечатные» и в большинстве своем анонимные, как вспоминал сам депутат)⁶⁰. Гневные и осуждающие

письма оскорбившейся казачьей верхушки охотно публиковались правыми и официозными газетами. Так, командир 33-го донского казачьего полка полковник Машлькин обратился с письмом в редакцию «Русского инвалида». По словам Машлькина, вверенный ему полк, почти два года поддерживавший законный порядок в обширном районе Юга страны и «беспредельно преданный обожаемому Монарху», с глубоким негодованием отнесся к заявлению Петровского и от всего сердца приветствовал Полякова и его «горячий протест»⁶¹. «Такие лже-сыны, как депутат Петровский, не выражают настроения искони верного Дона и нас крайне возмущают. <...> Дон всегда послушно посылал и вперед пошлет своих истинных сынов на службу отечеству», — говорилось в телеграмме, полученной А.Г. Поляковым от неких донцов Сутулова, Чикунова и Звонарева и напечатанной в астраханской монархической газете «Русская правда». Подписанты телеграммы выражали полную поддержку Полякову и графу Бобринскому⁶². Еще более резкое обвинительное письмо было опубликовано «Донскими областными ведомостями» в начале мая. Анонимные авторы, апеллируя к «истинным сынам Дона», заклеили Бардижа и Петровского выродками и врагами казачества, «волками в овечьих шкурах»⁶³. Петербургская умеренно-правая газета «Голос правды» сравнивала Петровского с другим скандально известным казачьим депутатом — членом I Думы, трудовиком-оренбуржцем Т.И. Седельниковым, который в своих публичных выступлениях требовал ликвидировать обособленность казачества, как замкнутого военного сословия и уравнивать казаков в правах с другими гражданами⁶⁴. «В нынешние выборы Новочеркасск решил не отстать от Оренбурга, — писала газета. — Седельникова поколотили на улице, Петровского чуть не поколотили вчера в Думе. Речь его, как и Седельникова, велась не иначе как от всего казачества (выше мы отметили, что это было не так — Н.Н.) — более скромным и правдивым языком эти пустозвоны говорить не могут»⁶⁵.

В правой прессе всячески подчеркивалось, что Петровский не настоящий, не «коренной» казак, а «приписной», и если не приписался сам, то это сделал его отец⁶⁶; сообщалось, что у депутата польское происхождение, а мать француженка⁶⁷. Чтобы показать речь Петровского единичным, досадным исключением, далеким от мнения «истинных сынов Дона», правая печать привлекала самые искусные перья монархического лагеря. На инцидент откликнулась известная в правых кругах поэтесса Л.А. Кологривова, обратившаяся со стихотворным посланием к «верным» донцам. Ее строки изящным рефреном влетают в череду хлестких публикаций черносотенной прессы:

«Нет, не поверит Русь разнузданным речам, —
То голос одного, случайного смутьяна.
Он духом ослабел, он предался врагам
И целям служит лишь предательского стана.
Откликнись, славный Дон, на лживые слова
Из глубины степей привольных и безбрежных,
Скажи, что преданность в сынах твоих жива,

«Что не пойдут они на зов борцов мятежных...»⁶⁸

Дон откликнулся, но не так однозначно, как хотелось бы правым. Реже, но раздавались и голоса в защиту Петровского; в своей брошюре о работе донских депутатов во II Думе он привел примеры подобным писем от рядовых казаков, заметно отличающихся по тону от офицерских. Так, казаки двух сотен одного из мобилизованных полков в письме к Петровскому жаловались на всяческие притеснения начальства, преимущественно на грубую расправу и обращение с ними офицеров и просили господ депутатов «доложить обо всем председателю и царю-батюшке», дабы те послали в распоряжение сотни кого-нибудь из депутатов, кто бы выяснил, как тяжело положение казаков, терпящих «надругательства» офицеров⁶⁹. В поддержку донских депутатов выступали и отдельные станицы, приславшие в Думу наказания и приговоры, однако их количество заметно уменьшилось после энергичных мер, предпринятых местной администрацией. Во исполнение циркуляра войскового наказного атамана Войска Донского князя Н.Н. Одоевского-Маслова, воспретившего станичным сборам отсылать наказания в Думу, последовали гонения на либеральных станичников — составителей и подписантов подобных наказов. Так, за составление наказа членам Думы был уволен со службы атаман станицы Новочеркасской Седов, а против других казаков, подписавших наказ, начались репрессии⁷⁰. Подобные действия властей, конечно, приводили к тому, что на фоне шквала критики голоса в поддержку Петровского и его товарищей были почти не слышны. Между тем травля донского депутата в черносотенной прессе не прекращалась. Ругательства сменились «сбором компромата». Публиковались сведения, дискредитирующие Петровского как юриста. Так, орган ярославских монархистов «Русский народ» под многозначительным заголовком «К сведению будущего историка Второй думы» сообщал, что в свое время Петровский якобы вошел в соглашение с новочеркасскими торговцами, пообещав им 10% от гонорара за каждое дело, предоставленное по их протекции; или как будущий депутат потребовал у своего подзащитного выплатить половину гонорара еще до суда, а затем, провалив дело, добивался полной выплаты. «Кому-кому, а уж честному донскому казачеству дельцы адвокатской тины не братья и не товарищи», — заключал автор заметки⁷¹.

«Всем почти известно, что ему за нечестное ведение дел запрещена была практика в судах на шесть месяцев, обливали его и карболовой кислотой»⁷², — сообщала ростовская черносотенная газета «Стяг», подхватившая скандальную тему позднее остальных изданий. «Стяг» также отмечал, что Петровский был главным организатором забастовок учащих и что у местных рабочих уже давно «чесались руки» свести с ним некие старые счеты. Избрание «лже-депутата» в Думу объяснялось «развращением» народа кадетскими обещаниями, активностью либеральной прессы и махинациями на выборах, вроде подмены пустых избирательных записок на заполненные и использования «заезжих» выборщиков⁷³. За недостаточностью источников едва ли возможно подтвердить достоверность подобных сведений, но они представляются замечательным образчиком «черного

политического пиара» того времени. Заметки «Стяга» были последними отголосками скандала в прессе: к тому времени уже миновал почти месяц, как II Дума была распущена и депутаты разъехались по домам. Возможно, донские монархисты таким образом собирались нанести упреждающий удар по репутации Петровского

Возвращаясь к реакции думских правых, следует отметить, что они были настолько раздражены речами казачьих представителей, что 2 апреля 1907 г. даже устроили по этому поводу отдельное заседание в помещении Союза русского народа на 4-й роте Измайловского полка.

На нем В.М. Пуришкевич заявил, что «нахальные речи левых казаков» рассылаются по России в сотнях тысяч экземпляров и развращают казачество и крестьянство даже больше, чем речи эсеров, так как народ охотно верит казачьим депутатам. Предводитель крайне правых предложил товарищам по фракции предъявить казачьей группе своеобразный ультиматум: потребовать от нее публичного отказа от своих «пагубных выступлений», а в случае несогласия сделать запрос общественным учреждениям Донской, Кубанской и Терской областей — являются ли их представители истинными выразителями воли казачества? Если нет, то какие меры они готовы предпринять против их «изменнических действий? Пуришкевич был уверен, что казаки сумеют обуздать своих «зарвавшихся представителей»⁷⁴. Какое постановление в итоге вынесли монархисты и начали ли какие-либо шаги в этом направлении — неизвестно.

Возвращаясь к Пуришкевичу, не будет лишним сказать, что место для обоих оппонентов — Петровского и Полякова — нашлось и в сборнике эпиграмм на депутатов-втородумцев, вышедшем из-под бойкого пера правого политика. Владимир Митрофанович, явно находясь в восторге от выступления астраханского депутата (единственного из казачьих представителей, кто оправдал его надежды; более умеренный Караулов, например, такого внимания не удостоился), открывает собрание своих творений именно эпиграммой, посвященной Полякову:

От астраханских казаков
Приехал в Думу Поляков.
И, в дни великой смуты,
В лихой борьбе не изнемог,
И Бог для молодца — все Бог,
И царь — не тип Малюты!
Хвала и слава, казаки,
Да блещет имя ваше;
Кадетам доблесть не с руки,
Зурабовы им краше!
Но близок день и близок час,
От злодеяний новых,
Пока дух чести не угас;
Избавят Русь, возвысь вас,
Заслуги Поляковых!⁷⁵

Настоящий панегирик, чего не скажешь о других эпитафиях Пуришкевича, в которых он активно метал ядовитые стрелы в адрес своих думских противников, иногда не брезгуя даже ненормативной лексикой. Примечательно, что в данной эпитафии упомянуто имя депутата А.Г. Зурабова, чьи хлесткие слова в адрес армии на закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 г. вызвали не только грандиозный скандал, но и поставили под угрозу судьбу всей Думы. По механизму возникновения «Зурабовский инцидент» был практически аналогичен скандалу с речью Петровского (при этом отличаясь еще большей широтой негативных политических последствий), поэтому связка Пуришкевичем этих двух событий кажется вполне логичной.

В эпитафии на А.И. Петровского Пуришкевич верен себе — и как поэт, и как политик:

Адвокат по ремеслу,
И умом сродни ослу
За «дела» в былые годы
И за «честные труды»
Был брехать лишен свободы
По суду своей среды⁷⁶.

Адресат эпитафии в долгу не остался. «Шут Государственной думы, марававший ее своим присутствием»⁷⁷, — так впоследствии отзывался Петровский о Пуришкевиче. Надо сказать, что после скандала им пришлось столкнуться еще раз, уже в кулуарах Думы, когда предводитель крайне правой фракции за свое вызывающее поведение во время обсуждения законопроекта о всеобщем обучении был отстранен от участия в 15 заседаниях. Пуришкевич, несмотря на запрет, все равно периодически появлялся в Таврическом дворце. Однажды, когда он разговаривал со швейцаром, их заметил Петровский и (после ухода Пуришкевича) поинтересовался, почему швейцар не гонит того вон. Это так возмутило донского депутата, что он даже поделился этим с читателями «Утра свободы», где в это время публиковались его думские впечатления. На заметку Петровского тут же откликнулось «Новое время», иронически заметившее, что «положительно трудно решить, где бы депутат Петровский был более на месте: в качестве сыскаго агента или швейцара»⁷⁸. После этого случая больше друг с другом счеты депутаты не сводили.

Теперь обратимся к тому, как скандал отразился на дальнейшей работе казачьей группы. Наиболее явным последствием стал выход из группы А.Г. Полякова, однако все же неясно, ушел ли он сам или был из нее исключен. А.И. Петровский утверждал, что после событий 13 марта и писем Полякова в «Новом времени» астраханца пришлось «удалить из группы»⁷⁹; сибирский депутат И.П. Лаптев в своем втором письме читателям «Степного эха» писал, что Поляков «предпочел уйти», пересев направо — к умеренно-правым, «под крылышко графа Бобринского»⁸⁰, то есть по своей инициативе. Так или иначе, но с этого момента он голосовал

вместе с правыми и с их помощью был избран в аграрную комиссию. Процесс распада группы на этом не закончился. Тяготение вправо Караулова, путаница в тактике оренбуржцев, по словам Петровского, ставили бесконечные препятствия к ее объединению⁸¹. И.П. Лаптев сообщал в «Степное эхо» о значительных трудностях в работе казачьего коллектива и «массе прений по каждому вопросу», объясняя их разностью политических взглядов ее членов и действиями вышеупомянутой тройки «обструкционистов»⁸². Программа-декларация в своем первоначальном виде так и не была принята, под давлением Караулова и его сторонников из нее были исключены пункты о смертной казни, амнистии и связи группы с населением. Выработанный Петровским и обсуждавшийся 14 марта проект устава группы вызвал прения вокруг пункта, по которому решения в группе должны были приниматься большинством голосов. Караулов, Заплатин, Вопилов и Бардиж требовали для проведения постановлений полного единогласия, что было едва ли возможно при таком составе группы; в результате и этот вопрос зашел в тупик⁸³.

Утратив надежды на сплочение группы вокруг либеральной программы, в середине апреля дончане отделились от нее, образовав донскую группу казачьих депутатов во главе с В.А. Харламовым; оставшиеся 8 депутатов вместе с присоединившимися к ним забайкальцем С.А. Таскиным и семиреченцем Я.И. Егюшкиным наконец-таки подписали урезанную (ставшую, по словам сибиряка И.П. Лаптева, «неопределенной и куцей»⁸⁴) программу и попытались продолжить деятельность под именем думской казачьей группы, но, как позже писал Петровский, никаких самостоятельных шагов ни в Думе, ни за ее пределами она больше не предпринимала. В прессе известие о расколе группы широко не освещалось, поэтому публика и громадное большинство Думы, видимо, продолжали воспринимать казачью группу как единое целое.

Два внесенных в Думу законопроекта: об изменении порядка наряда казаков на действительную службу и о сокращении срока службы в первоочередных полках значились внесенными от имени казачьей группы, но, по сути, были выработаны М.П. Араканцевым. На заседаниях обсуждался уже готовый законопроект, который подписывался всеми казачьими депутатами, чтобы набрать необходимые 30 подписей⁸⁵. Как минимум, одно такое заседание посетил и А.Г. Поляков, но, группа, отметив, что взгляды астраханца по коренным вопросам резко расходятся с взглядами остальных ее членов, постановила больше не приглашать его на заседания⁸⁶. Заключительный эпизод в конфликте Полякова с левыми казаками приводит А.И. Петровский: в день роспуска Думы Поляков встретил донца А.Ф. Панфилова и заявил, что рассчитывает «кой с кем за свое изгнание из собрания» и сообщит, куда следует, обо всех «бунтарских речах» на заседаниях группы⁸⁷.

В последний месяц работы II Думы казачьи депутаты, как и большинство других, трудились в гнетущей атмосфере, вызванной постоянными слухами о разгоне народного представительства. Один из них — кубанец П.Г. Кудрявцев — настолько разочаровался в парламентской работе, что сложил с себя полномочия и уехал домой. Попытки депутатов организованно встретиться с избирателями во время пасхальных каникул были сорваны стараниями местных властей. Планировал сделать

публичный доклад и приехавший в Новочеркасск А.И. Петровский, но местный полицмейстер Золотарев категорически запретил подобные мероприятия. Тем не менее доклад состоялся, но в частном порядке, при ограниченном числе слушателей. «Приходили и казаки, — вспоминал Петровский, — Строевые казаки. Молодые славные ребята. Была и о нагайке речь. <...> Если бы не 5 п. 129 ст.⁸⁸, не разрешающего, по толкованию наших судебных палат, передавать о настроении казаков по поводу нагайки, я передал бы в подробностях наш разговор по этому поводу». Намекая на солидарность с ним рядовых казаков, Петровский предлагал принять это к сведению своим оппонентам — «правоверным казакам» и «их единомышленникам по нагайке» — Бобринскому и Пуришкевичу. Что касается казачьей знати — «народа военного, сердитого и черносотенного», то она относилась к Петровскому с «молчаливым презрением», и те, кто «клянялся до выборов», теперь отворачивались при встрече с ним. Впрочем, депутат придавал этому мало значения. «Бог с ними! Их даже жалко: комические персонажи...», — писал Петровский в своих впечатлениях, опубликованных в московской газете «Утро свободы»⁸⁹.

Попытка народа пообщаться с другим донским депутатом — М.С. Воронковым привела к плачевным последствиям, на практике подтвердившим, что речи о нагайке были не пустым нагнетанием страстей, а отражением суровой действительности. Однако на этот раз, помимо нагаек, заговорили и пули. Жители Александровска-Грушевского, собравшиеся 24 апреля у квартиры Воронкова для встречи с ним, упорно не расходились, несмотря на требования вызванной полиции. Когда же, по просьбе самого депутата, почти тысячная (!) толпа начала мирно расходиться, внезапно появившаяся конная казачья сотня дала по ней боевой залп. В телеграмме товарищам по фракции Воронков сообщил о последствиях: один убитый, трое раненых, много избитых нагайками, в том числе женщины. Телеграммы к П.А. Столыпину и войсковому наказному атаману А.В. Самсонову ничего не дали, «бесчинства продолжались»⁹⁰. А.И. Петровский добился встречи с военным министром А.Ф. Ридигером, который долго не мог поверить в случившееся⁹¹. Мещанский сход Александровска-Грушевского составил приговор для представления в Думу, в котором содержалась просьба о назначении парламентской комиссии для расследования обстоятельств инцидента. Местная либеральная пресса отмечала, что донская земля впервые обогрилась кровью и испытала на себе те средства, которыми правительство поддерживало «общественную безопасность»⁹². Таким драматическим эпилогом завершились упорные попытки донских депутатов наладить прочную связь с населением.

Первый опыт функционирования общеказачьего депутатского объединения окончился неудачей: противоречия между исповедующей общедемократические ценности казачьей интеллигенцией (донцы, кубанцы) и более консервативным офицерством (Поляков, Караулов) оказались неразрешимыми. При этом следует отметить, что такие же разногласия наблюдались и в широкой казачьей среде, за пределами Думы. Ситуация усугублялась также наличием в составе группы представителей разных политических сил и разных казачьих войск, обладавших

своими специфическими интересами. Не менее важную роль в развязывании скандала сыграло и поведение думских правых во главе с Бобринским и Пуришкевичем, в присутствии которых уже была невозможна та атмосфера, которая господствовала в «Думе народного гнева», где либеральные казаки могли критиковать действия правительства сколько угодно и без каких-либо препятствий. Таким образом, скандал 13 марта 1907 г. возник на стыке как межпартийных, так и внутрисловных разногласий. Инцидент вокруг речи А.И. Петровского и бурная реакция на него консервативных кругов показали, насколько острыми и болезненными являются вопросы взаимоотношения армии и общества, вмешательства армии в политические процессы.

Определенный интерес представляет реакция на инцидент правой и официозной печати — яркий пример информационной кампании по дискредитации политического противника.

¹ *Маклаков В.А.* Вторая государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 года. М., 2006. С. 135–136.

² Там же. С. 269.

³ В официальном списке, размещенном в указателе к стенографическим отчетам, в составе казачьей группы указано 17 депутатов (Указатель к стенографическим отчетам: заседания 1–53 (20 февраля — 2 июня 1907 г.). СПб., 1907. С. 32). Именно это число и вошло в историографию и справочную литературу. Однако в этом списке отсутствуют И.В. Заплатин и А.Г. Поляков. Газеты писали о 18 вступивших в казачью группу депутатах (Новые политические группы // Петербургский листок. 1907. 6 марта; Казачья группа // Речь. 1907. 4 марта). Несколько по-разному указывался и партийный состав группы: 13 кадетов, 3 левых беспартийных, 1 энес, 1 умеренный (Караулов?), 1 правый (Поляков) — данные «Петербургского листка»; 13 кадетов, 2 беспартийных, 1 энес, 1 член ПДР и 1 беспартийный правый («Речь»). Сопоставление всех данных приводит к иной цифре — 19 депутатов, видимо, такова и была максимальная численность группы до начала ее распада.

⁴ Дума и партии // Русь. 1907. 9 марта.

⁵ Казачья группа // Речь. 1907. 4 марта

⁶ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911. М., 1994. С. 188.

⁷ Д.С. К новому избранию Ф.А. Цербины // Новая заря. 1907. 1 марта (Екатеринодар).

⁸ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе: Ист. справка. СПб., 1907. С. 125.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ Народ и дума // Русь. 1907. 17 марта.

¹¹ Предвыборные собрания у казаков // Степное эхо. 1907. 13 февраля (Омск).

¹² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб.,

1906. Т. 2. Стб. 1309–1312.

¹³ Там же. Стб. 1314.

¹⁴ *Ганин А.В.* Накануне катастрофы: Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 305.

¹⁵ Государственная дума. Первый созыв. Т. 2. Стб. 1316–1317.

¹⁶ Там же. Стб. 1320.

¹⁷ *Братолобова М.В. Перехов Я.А.* Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Ростов н/Д., 2002. Вып. 3. С. 324.

¹⁸ Наши депутаты // Телеграф. 1907. 15 февраля.

¹⁹ *Петровский А.* Заметки казака // Народная Свобода – Думский листок. 1907. 1 марта.

²⁰ Прощальное чествование членов Государственной думы // Донская жизнь. 1907. 13 февраля (Новочеркасск).

²¹ Выборы у казаков // Астраханский листок. 1907. 2 февраля.

²² Заявление астраханского депутата Полякова // Государственная дума: беспл. прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 3 марта.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 181. Л. 2.

²⁴ [*Лаптев И.П.*] Письма казачьего депутата. Письмо шестое // Степное эхо. 1907. 13 мая.

²⁵ От редакции // Казачья неделя. 1907. № 6. С. 16 (Владикавказ).

²⁶ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 125.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 126.

³⁰ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта (Владикавказ).

³¹ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 128.

³² Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.

³³ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 127.

³⁴ Там же. С. 128.

³⁵ *Петровский А.* Записки депутата. IX // Донская жизнь. 1907. 16 марта.

³⁶ В казачьей фракции // Приазовский край. 1907. 14 марта.

³⁷ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 135.

³⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 421–424.

³⁹ В кулуарах // Русское знамя. 1907. 22 марта.

⁴⁰ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 447–450.

⁴¹ Там же. Стб. 450.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

- ⁴⁴ А.О. Думские впечатления // Парус. 1907. 14 марта.
- ⁴⁵ По телеграфу и телефону. Последние вести // Всеобщая маленькая газета. 1907. 15 марта.
- ⁴⁶ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.
- ⁴⁷ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 451.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Стб. 530.
- ⁵⁰ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 531–532.
- ⁵¹ А.О. Думские впечатления // Парус. 1907. 14 марта.
- ⁵² В кулуарах // Биржевые ведомости. 1907. 7 апреля (утр. вып.).
- ⁵³ *Азра*. В кулуарах Думы // Русь. 1907. 14 марта.
- ⁵⁴ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.
- ⁵⁵ В кулуарах // Государственная дума. Беспл. прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 14 марта.
- ⁵⁶ Вечерняя хроника // Новое время. 1907. 16 марта.
- ⁵⁷ Г.П. Из Думы // Новая заря. 1907. 22 марта.
- ⁵⁸ *Петровский А.* Заметка казака // Думский листок. 1907. 17 марта.
- ⁵⁹ Офицерство и донской депутат Петровский // Донские областные ведомости. 1907. 5 апреля.
- ⁶⁰ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 20.
- ⁶¹ Письмо в редакцию «Русского инвалида» // Донские областные ведомости. 1907. 5 апреля.
- ⁶² Протест казаков и благодарность А. Полякову // Русская правда. 1907. 29 марта.
- ⁶³ Письмо донцов в редакцию «Объединение» // Донские областные ведомости. 1907. 5 мая.
- ⁶⁴ *Братолобова М.В. Перехов Я.А.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶⁵ *Аспид*. Казачий депутат // Голос правды. 1907. 15 марта.
- ⁶⁶ Опровержение лжи депутата Петровского // Стяг. 1907. 25 мая.
- ⁶⁷ Казаки о двоих депутатах / Внутренние известия // Новое время. 1907. 26 мая.
- ⁶⁸ Донским казакам / К оскорблению казаков в Думе // Русская правда. 1907. 29 марта.
- ⁶⁹ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 20.
- ⁷⁰ Общая хроника // Таганрогский вестник. 1907. 28 марта.
- ⁷¹ *Титовец*. К сведению будущего историка Второй Думы // Русский народ. 1907. 19 апреля.
- ⁷² *Казак выборщикъ*. Правда о лже-депутате Петровском // Стяг. 1907. 29 июня.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Из жизни партий // Товарищ. 1907. 5 апреля.

- ⁷⁵ *Пуришкевич В.М.* Галерея современных деятелей: Эпиграммы. СПб., 1907. Вып. 1. С. 7.
- ⁷⁶ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С. 37.
- ⁷⁷ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 130.
- ⁷⁸ Среди газет и журналов // Новое время. 1907. 13 мая.
- ⁷⁹ *Петровский А.* Записки депутата. XI // Донская жизнь. 7 апреля.
- ⁸⁰ [*Лаптев И.П.*] Письма казачьего депутата. Письмо второе // Степное эхо. 1907. 15 апреля.
- ⁸¹ *Петровский А.* Записки депутата. XI // Донская жизнь. 7 апреля.
- ⁸² [*Лаптев И.П.*] Письма казачьего депутата. Письмо шестое // Степное эхо. 1907. 13 мая.
- ⁸³ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 134.
- ⁸⁴ [*Лаптев И.П.*] Указ. соч.
- ⁸⁵ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 134.
- ⁸⁶ Из жизни партий // Думский листок. 1907. 29 мая.
- ⁸⁷ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 135.
- ⁸⁸ Имеется в виду 129-я статья Уголовного уложения, карающая за публичные призывы к учинению бунтовщического или изменнического деяния, ниспровержению государственного строя, противодействию законам и т.д.
- ⁸⁹ *Петровский А.* Впечатления депутата // Утро свободы. 1907. 1 мая.
- ⁹⁰ *Петровский А.* Записки депутата. XII // Донская жизнь. 1907. 1 мая.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *В.К.* О Думе // Донская жизнь. 1907. 4 мая.